

Воспоминания М.И. Евтеевой об О.А. Гурычевой

Ольгу я помню с детства, лет с пяти, ей тогда было пятнадцать, она училась в школе, находившейся в Тетеринском переулке на Таганке, в двух шагах от Ольгиного дома на Ульяновской улице, рядом с городской клинической больницей № 23 им.

«Медсантруд», главный корпус которой и сейчас располагается на Швивой горке в доме купца Баташова. Классным руководителем у Гурычевой Ольги была моя любимая тётя Зоя – Евтеева Зоя Семёновна. Стоит отметить интересный момент: в первом выпуске у моей тёти был Гуров Валерий Игнатьевич, во втором – Гурычева Ольга Алексеевна – очень талантливые, умные, самобытные, потрясающе трудоспособные люди.

Первое чёткое воспоминание об Ольге – весна, мне шесть лет, мы с родителями уже живём в новом доме, комната в малонаселённой квартире со всеми удобствами (для современной молодёжи: это – газ на кухне, горячее и холодное центральное водоснабжение, центральное отопление, ванная комната с ванной и раковиной, туалет), там на всех днях рождения, празднованиях Нового года и затем просто на субботнем кофе постоянно бывала Ольга – именно так я её называла за глаза, а при обращении – Олей. Ну вот, первое, что помню не отрывочно, а связно – поездка ранней весной 1961 года в Царицыно – на электричке, потом пешком, по грязи, в резиновых сапогах, с термосом и едой (тогда не было кафе и прочих пунктов питания на каждом шагу, а в ресторанах – дорого). Светило солнце, лужи и грязь выше щиколотки взрослым, меня Ольга периодически перекидывала через особенно глубокие и широкие непроходимые места, которые я не могла перепрыгнуть. Мы ходили между развалинами корпусов, по роще и лесочку, а потом нашли надломленное примерно метра на 1,5 над землёй толстое дерево, верхушкой упавшее на землю; Ольга забралась на бревно и скатилась по нему вниз – пару раз, потом закинула меня и то же проделала со мной. Это было новое, острое ощущение радости и приключения. Вот с этого момента Ольга заняла прочное, своё, место в моей жизни.

Увлечение походами, путешествиями у Ольги, как и у меня, от моей тёти Зои.

Представьте: классным руководителем приходит молодая, красивая, спортивная учительница русского языка и литературы, успевшая к своим 25-27 годам пропутешествовать по доброй половине европейской части Советского Союза, включая Архангельск, Котлас, Северную Двину, где с 1949 по 1952 г. работала врачом по распределению сразу после окончания института моя мама, Евтеева Раиса Семёновна. Вот эти рассказы, фотографии, обаяние моей тёти Зои заинтересовали Ольгу настолько, что сделали в итоге географию её профессией.

Тётя Зоя водила своих учеников не только по Подмоскovie, но и на Кавказ, в Карпаты, ездила с ними в другие города, в том числе, в Ленинград (ныне Санкт-Петербург).

Потом, когда Ольга окончила школу, поступила в институт и стала совершеннолетней;

они уже путешествовали вместе – походы в составе взрослых групп, просто путешествия – часто вдвоём, иногда вместе с коллегами, но небольшим составом. В их активе Красноярские Столбы, Кавказ, Крым, Урал (откуда родом Ольгина мама, Агния Васильевна Ланцова), Дальний Восток, Сахалин, Курилы, Мурманск, Прибалтика, Грузия, Украина, Белоруссия, Черноморское побережье и другие места, о которых я не знаю, или не помню. Тогда из поездок было принято отправлять близким людям по почте открытки с видами этих мест, или хотя бы короткие записки в конвертах, если на почте в глубинке не было открыток. Сейчас это ощущение неизвестно многим молодым людям: открываешь почтовый ящик на двери квартиры и вынимаешь открытку с видом Чёрного моря, Уральских гор, Сахалина, Камчатки, Курил, или письмо с вложенным цветком из села Перемского на Урале...

По воскресеньям (тогда был только один выходной день в конце недели) Ольга и тётя Зоя выезжали за город, в Подмоскowie, с учениками, или вдвоём – тогда часто брали с собой меня, мою маму, ещё 2-3 человек. Зимой совершали лыжные вылазки: помню, в возрасте лет 12 мы встречались на опушке Измайловского парка на уровне Новогиреевской улицы, шли на лыжах по лесу через теперешнее Южное Измайлово, переходили, не снимая лыж, теперешнюю МКАД, приходили в подмосковные Горенки, пили кофе с молоком и сахаром из гранёных стаканов около киоска и ехали на электричке до станции Новогиреево, а оттуда на трамвайчике по домам. Весной, осенью, часто и зимой ездили на электричке до разных подмосковных станций, проходили километров 5-10, разжигали костры, на треноге в котелке кипятили чай «с дымком» и хвоей, съедали поровну разделенные бутерброды, ехали домой.

В этих поездках тётя Зоя и Ольга научили меня разжигать костёр с одной спички, рюкзак на меня надели в 7-летнем возрасте, научили укладывать ещё тот, брезентовый, делая спину мягкой, смещая центр тяжести вниз, учили ставить на растяжках брезентовую палатку, ходить по лесу, в том числе без компаса.

Я упоминаю рядом имена Зои Семёновны и Ольги Алексеевны, потому что без первой не было бы второй. Мне немного известно, что Ольга в детстве занималась музыкой, училась в музыкальной школе, но, придя в пятый класс к классному руководителю Зое Семёновне, поменяла многое в своей жизни, в сущности, сама себе выбрала навсегда образец для подражания и, возможно, просто другую жизнь. Но! «История не знает сослагательного наклонения». Встреча произошла.

В общем, учёба в школе, в институте, совместные путешествия шли своим чередом, уже Ольга Алексеевна писала дипломную работу между поездками, практикой в школе, печатанием фотографий (чёрно-белых, дома у тётя Зои, пользуясь домашним увеличителем, ванночками для проявителя и закрепителя). Получила диплом с отличием – преподавание географии на английском языке, отказалась от поступления в аспирантуру и пошла работать в 15 спец.школу с углублённым изучением

английского языка по специальности. Вот как раз в 60-х годах XX века и моя тётя Зоя перешла на работу в 434 московскую школу, где в первые дни Великой Отечественной войны была сформирована 2-я дивизия Народного Ополчения Сталинского района, и стала исследовать боевой путь этой дивизии, смотрела материалы в архивах, разыскивала ветеранов и готовила своих учеников к походу по местам боёв на Смоленщине. Примерно тогда же и Ольга увлеклась работой следопыта, когда по поручению шефов школы, работников ЗИЛа ездила в Подмоскowie, обнаружила вместе со своими учениками, что Зоя Космодемьянская, Вера Волошина были не партизанками, как нам всегда говорили, а бойцами в/ч 9903.

Итак, 13 июня 1970 года мы выехали на электричке в Вязьму.

Мы - это две группы школьников.

Первая - под руководством моей тётки, Евтеевой Зои Семёновны, закончившие 6-й класс Ира Быкова, Таня Макарецва, Таня Сергеева, Наташа Самусенко, Ира Карпеченкова, Вера Комарова, Марина Фролова, Андрей Саратовский, Игорь Жмуров, Андрей Компанейц, Саша Барнашов и я, Марина Евтеева.

Вторую группу вела ученица Евтеевой Зои Семёновны из 2-го выпуска, а в дальнейшем - лучшая подруга, верная соратница, преподаватель географии на английском языке 15 спец.школы Гурычева Ольга Алексеевна, необычайно талантливая во всём. Её группа занималась историей наших диверсионных групп (Зоя Космодемьянская, Борис Крайнов, Вера Волошина и многие другие), туда входило 7 человек: Володя Беляков, Сергей, Игорь, Наташа, Лена, Рита, перешедшие в 10 класс и уже шестиклассник Володя, которого звали Тучкой.

Позже к этой группе присоединилась Ольга Варламова (которую звали Птичкой), Света Лопатникова, Света Пинегина, Павел Данилов, Алла Колкова и многие, многие другие, но этих Людей я знала ещё в их детстве. Позднее, через много-много лет, когда Ольга была больна, именно Светы, Павел и Алла помогали не только физически, но и морально.

В том походе было очень много встреч, рассказов, находок. Прошло 25 лет со дня окончания войны, но на полях стояли ржавые разбитые машины - Эмки, точнее, железные каркасы, лежали каски, металлические части оружия, солдатские медальоны, котелки, ложки, фляги... Всё это нашло место в школьных музеях 15 специальной и 434 общеобразовательной.

Замечательно проходили мои школьные годы - книжки, путешествия, узнавание нового; закончился 10-й класс, я подала документы в медицинский институт, завалилась на вступительной физике (только из-за комплексов и врождённой уверенности в непогрешимости всех преподавателей и экзаменаторов - росла в медицинско-педагогической семье) и по решению семейного совета, на котором, конечно, присутствовала Ольга, пошла работать в банк и стала готовиться к

поступлению в финансовый институт, хотя все предметы, кроме литературы, были иные. Сочинение и математика особых опасений не вызывали, историю только что сдавала на выпускных, а вот география... Закончилась в 9 классе, за год до окончания школы, а уж за 5-7 классы остались только практические знания. Ольга занималась со мной 4 часа, интенсивно, активно, практически без перерыва, про облака помню до сих пор. На экзамене по географии получила четвёрку, по остальным трём - ещё 13 + средний балл аттестата - и проскочила со свистом в число студентов. Это я к тому замечаю, что Ольга могла научить кого угодно всему, что сама знала, если этому хотели учиться.

В 1977 году, после окончания мной 3 курса, тётя Зоя и Ольга взяли меня на Урал, туда, откуда растут Ольгины корни, со стороны мамы, Ланцовой Агнии Васильевны. Поехала с нами и моя однокурсница, Нина Киреченко, ибо, как сказала Ольга, «непарный шелкопряд может быть вредным» - это обо мне, потому что у Ольги и Зои были уже путешествия в этот край, свои воспоминания, кроме того, можно было осчастливить ещё одного человека. Поезд Москва-Пермь отправился от Ярославского вокзала и почти через сутки доставил нас в середину Уральских гор. В Перми, пожалуй, больше всего запомнилось, как нас с Ниной водили в Пермскую картинную галерею, расположенную в одном из Храмов, как мы поднимались по лестнице на четвёртый этаж, где спиной к лестнице сидели Пермские Боги - деревянные изображения Христа в терновом венце, до дрожи похожие на живых людей; а во время подъёма по лестнице в деталях рассматривали дивной красоты иконостас, восстановленный реставраторами. Каждый раз, поднимаясь на новый этаж, видели новое творение иконописцев. Потом Ольга и тётя Зоя водили нас с Ниной по городу, занимавшему 2-е место по площади после Москвы, показывали характерные одноэтажные дома и дворы этой местности; двор, постройки и дом находились под одной крышей, чтобы снежной зимой в холода можно было ухаживать за скотиной, выйти в амбар за зерном, принести в дом припасы, заготовленные с осени. На фронтонах домов, на воротах - изображения Солнца, которое приносило много радости людям и, в общем, жизнь. Кунгурскую ледяную пещеру все мы видели впервые. Более известной тогда была только Новоафонская пещера в курортной местности, но Кунгурская произвела на меня гораздо более сильное впечатление, впрочем, на Ольгу и тётю Зою - тоже. После этого мы поехали в село Перемское, - вот там была Ольгина стихия! Она водила нас в лес, где были огромные заросли подосиновиков, - на полянке красные шляпки, как цветы на клумбе, не успеваешь срезать один, другой, десятый - а пакет уж полон! Грибов хватало всем жителям, гостям, зверям, ёжикам и ещё оставалось. Малинник в лесу тоже был усыпан ягодами. Вечером на ужин грибы в сметане, малосольные огурцы, малина с молоком и сладкий глубокий сон на сеновале... А на следующий день - русская баня, настоящая, с каменной печкой, для которой нас с Ниной тётя Зоя учила пилить и рубить дрова, а

Ольга - носить воду в вёдрах на коромысле, распаривать веники, а потом хлестала нас всех этим веником. Русская баня в русской деревне - это особенное удовольствие, но влажный горячий пар бьёт в лицо тяжёлой волной, с непривычки трудно дышать, но потом, нас, розовых и беспомощных, как будто новорождённых, Ольга повела пить парное молоко! А как Ольга водила нас по окрестным горам!!! Ледяная речка Косьва, по колено, редко по пояс, в которую бросаешься быстро, иначе не хватит духа окунуться; забираешься повыше - голова кружится от панорамы, что далеко внизу, а Ольга показывает окрестности, рассказывает о том, что под ногами - как хозяйка здешних мест, уполномоченная Хозяйки Медной Горы, о которой сказитель Бажов писал. Потом Ольга, ориентированная в тех местах, вместе с родственниками возила нас в город Оса, купаться - на «Ракете», на местных теплоходиках, а на обратном пути в Москву легла на свою полку в плацкартном вагоне, пила чай, отвечала на наши с Ниной вопросы и наслаждалась покоем...

Это было не последнее совместное приключение, но хочу рассказать ещё об одном ярком эпизоде.

В середине 80-х годов XX века Ветераны подразделения, с которыми работала Ольга, оформляли поездку в ГДР (Германскую Демократическую Республику), в список включили Гурычеву Ольгу Алексеевну и, конечно, Евтееву Зою Семёновну, которые к тому времени стали почти одним организмом, несмотря на частые противоречия из-за сильного характера, упорного движения к одной цели, принципиальности, бескомпромиссности и лидерских качеств обеих. Их одинаково уважали ученики, они никогда не завышали оценки, но были готовы в любой момент помочь. Поездка прошла очень хорошо, принимали радушно, показывали много интересного, но тётя Зоя рассказывала о том, что, услышав на вокзале в Берлине слова: «Ахтунг! Ахтунг!..», почувствовала, как всё тело пробирает дрожь - так, спустя 40 лет после окончания, вспыхнули воспоминания о войне; странно, что Ольга, родившаяся в 1944 году, тоже в тот момент почувствовала себя неуютно, возможно, из-за генетической памяти (её брат, Ланцов Анатолий, погиб в 1941 году, под Вязьмой).

Ольге в наследство от отца, Гурычева Алексея Викторовича, достался дом в Угольнице, на Волге, где он любил рыбачить. Они с тётей Зоей достроили дом, поправили печь, всё вымыли, навели уют и проводили там некоторое время в августе, купаясь, работая на сенокосе, собирая грибы и бруснику. Кстати, в 1991 году мне тоже довелось там побывать, увидеть эту красоту и раздолье, попить чай из настоящего Ольгиного фамильного самовара. Тётя Зоя, единственная из нас, умела обращаться с косой, а мы с Ольгой работали граблями, переворачивали траву, собирали сено в стог. Брусника, лисички, подберёзовики - всё вдали от цивилизации росло очень мощно, свободно, всё было очень вкусно. Дежурства, в отличие от походов, там не практиковались, всё делали вместе, обычно дружно.

Однажды, зайдя во всемирную паутину, набрала Ольгины данные, прочла много очень хороших тёплых слов, но наткнулась на слова какого-то Алексея Варламова*; он писал об одинокой, не имевшей семьи женщине, но как-то недобро, даже, мне показалось, обозлённо, желчно. Бог ему судья, но мне захотелось вымыть руки, после чего протёрла клавиатуру компьютера и экран. Да, после смерти родителей у Ольги Алексеевны собственной семьи не было, но она всегда была с нами, была таким же членом семьи, как и все остальные. Когда у Ольги после инсульта было тяжелейшее состояние, она не владела руками, ногами, у неё была нарушена речь, я (по образованию и образу жизни врач с более, чем 30-летним стажем, просто поэтому могла быть более полезной) бегала несколько месяцев, ухаживала, учила ходить, говорить, держать ложку, пациенты, их родственники спрашивали, кто мне Ольга – мать, сестра? Объяснять, что она – ученица и подруга моей тёти, было долго, и возникла фраза: «Она мне Ольга – есть такая степень родства – Ольга». Пожалуй, это – ответ господину Варламову...

Евтеева Марина Иосифовна

Опубликовано в книге «Мы помним...», Тула

*Алексей Варламов, писатель. С 2014 года ректор Литературного института им. А.М. Горького в Москве. Выпускник школы №15, брат упомянутой в тексте Ольги Варламовой. В группу «Поиск» не входил.